

МЕСТО РИТМА КАК КОМПОНЕНТА ИНФОРМАТИВНОСТИ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

<http://edoc.bseu.by>

*Н.П. Могиленских,
канд. филол. наук, доцент*

Наша эпоха, эпоха третьего тысячелетия от Рождества Христова характеризуется интенсивным переосмыслением накопленных человечеством фактов и знаний во всех областях жизнедеятельности Homo sapiens — в философии и психологии, в медицине и культуре, в филологии и искусстве. Стало очевидным, что вся история человечества по своей сути может быть сведена к сбору, хранению и передаче информации, накапливаемой от поколения к поколению в течение многих сотен лет. Человек, будучи информационно-энергетической системой, является не просто биологическим образованием, не просто одним из представителей животного мира Земли. Он — главный собиратель информации об этом мире; объектом его пристального внимания становится не только среда обитания, но и вся Вселенная. Человеческий организм представляет собой приемник и анализатор различных информационных потоков окружающего мира. В результате он сам является носителем информации. В данном контексте информация — это универсальное свойство предметов, явлений, процессов, заключающееся в способности воспринимать внутреннее состояние и воздействие окружающей среды, преобразовывать полученные сведения и передавать результаты обработки другим предметам, явлениям, процессам. Информацией пронизаны все материальные объекты. Все живые существа с момента их зарождения и до конца своего земного существования пребывают в информационном поле, которое непрерывно, беспрерывно воздействует на них. Человек слышит, видит, осязает, обоняет, но лишь вследствие особого свойства человеческого мозга аккумулировать собранные факты эта информация существует для всех представителей человеческого рода. Это особое свойство человеческого мозга принято называть сознанием. Согласно современным научным взглядам, сознание следует понимать как высшую форму развития информации — творящую информацию [1, с. 211].

Определены и обоснованы две формы поступления информации в мозг, которые соответствуют рефлексивному и контину-

альному мышлению. В первом случае человек получает информацию словами, думает словами, а иногда преобразует их в образы. Такой способ передачи информации (вербальный) обладает малой информационной емкостью, требует активного участия мозговых структур по расшифровке, переработке, дополнению принятой информации. Этот вид мышления не может существовать без языка. Незнание языка делает получаемую информацию бесполезной для создания образа.

При континуальном сознании мышление осуществляется не словами, а образами. Такое образное мышление характеризуется большим поступлением информации в мозг в единицу времени, несоизмеримым с вербальным мышлением [2, с. 8].

Для существующей парадигмы сознания преобладающим остается рефлексивное мышление, потому что Природа наделила человека необыкновенным даром, который сразу же выделил и поставил его на невероятно высокую ступень развития — человек заговорил. По сути дела человек был создан, для того чтобы заговорить. Совершенно справедливым представляется заявление психолингвистов, что «как живая істота ад прыроды запраграмавана да якога-небудзь тыпу паводзін, у будове яе цела павінны быць біялагічныя прыкметы гэтага» [3], так и в построении человеческого мозга и голосового аппарата есть некоторые особенности. Прежде всего зубы у человека значительно отличаются от зубов других живых существ. Они одинаковой величины и расположены ровным рядом, прямые и не наклонены вперед, а верхние и нижние их ряды смыкаются. Такое строение удивляет: оно никак не оптимально, для того чтобы *есть*. Однако ровные зубы одинаковой величины, которые могут смыкаться друг с другом, очень удачны для произнесения отдельных звуков. Губы человека имеют развитые мышцы более сложного строения, чем у других приматов. Рот относительно мал и может быстро открываться и закрываться. Это позволяет легко произносить такие звуки, как «п» и «б», для которых требуется целиком перекрывать струю воздуха, а потом вдруг снять давление, открыв рот. Человеческий язык толстый, мускулистый и подвижный в отличие от длинного и тонкого языка обезьяны. Преимущества толстого языка в том, что им можно легко менять величину ротовой полости, а это позволяет произносить огромное количество различных звуков. Кажется, что человеческие существа от природы приспособлены для того, чтобы издавать огромное количество звуков, не теряя контроля над ними. Поразительно различие гортани, где находятся голосовые связки у человека и обезьяны. У человека они имеют бо-

лее простое строение, и в этом есть преимущество. Воздух может свободно проходить через них, а потом через рот и нос, и ему не мешают никакие отростки. Такая обтекаемость гортани является едва ли не основным доказательством ее предназначения для говорения. Однако за это мы платим довольно высокую цену: обезьяны изолируют рот от дыхательного горла при поглощении пищи, человек же не может так делать, и поэтому еда может попасть в дыхательное горло, что смертельно опасно. Наше дыхание также невероятно удобно для говорения. Несмотря на то, что дыхательная система человека сбалансирована не лучшим образом (если он будет часто дышать в течение определенного времени, то может потерять сознание и даже умереть; оставаясь под водой больше двух минут, он может утонуть), когда мы начинаем говорить, ритм дыхания значительно меняется: вдох значительно ускоряется, а выдох — замедляется, и человек может говорить часами без каких-либо опасных для себя последствий [3, с. 55—56].

Способность человека говорить неотвратимо привела к письменности в ответ на определенную социальную задачу. Значение письменности как средства сохранения и накопления духовного богатства человечества — научного знания, технического умения, художественной красоты — трудно переоценить. Фиксация информации средствами письменности стала основой общения человека на огромных расстояниях, при передаче мыслей и фактов как своим современникам, так и потомкам.

Суть письменности представляется нам своеобразным синтезом рефлексивного и континуального сознания. Именно поэтому вся история развития письменности от этапа к этапу характеризуется двумя основными взаимосвязанными факторами: а) приближением к устной речи и б) передачей все более детальной и полной информации. Путь начертательного письма от пиктографического (образного!), передающего только содержание высказывания до вокализованно-фонематической формы буквенно-звукового письма, яркий пример поступательного разрастания емкости информационного поля письменной речи.

Появление идеографического письма, пришедшего на смену пиктографии, связано исторически с дальнейшим развитием человеческого мышления и, следовательно, языка, с приобретенной им способностью к большим абстракциям, с умением человека разлагать речь на элементы — слова. Слоговое или силлабическое письмо возникло намного позже идеографического. Это прежде всего связано с относительно трудным разложением речи на фонетические единицы (слоги) по сравнению, напри-

мер, с разделением ее на смысловые единицы (слова), поскольку членение на слоги предполагает более развитую способность мышления к анализу.

Возникновение буквенно-звукового письма обусловлено еще более развитой способностью к разложению речи на простейшие ее элементы — звуки (фонемы). Для многих народов мира такой тип письма явился несомненным шагом вперед, так как существенно облегчал передачу сообщений на большие расстояния при помощи минимального набора письменных знаков.

Буквенно-звуковое письмо выступает в двух разновидностях: консонантно-звуковой (консонантно-фономографической) и вокализованно-звуковой (вокализованно-фономографической). Консонантно-звуковое письмо, или просто консонантное письмо, называемое так потому, что его знаками обозначались только согласные звуки (консонанты), является древнейшей разновидностью буквенно-звукового письма. Вокализованно-звуковое письмо представляет последующий этап в развитии буквенно-звукового письма. Возникновение его относится к началу I тысячелетия до н.э. и связано с обозначением на письме как согласных, так и гласных звуков (фонем) [4, с. 117]. Современная письменная речь европейского региона стремится в полной мере передать особенности звучащей речи, иными словами, максимально отождествить соответствующие им паттерны.

Человек располагает бесчисленными возможностями фиксации информации; все эти возможности, однако, сводятся к шифровке сначала в форме письменного текста, а затем письменный текст дешифруется в устную форму, независимо от того, происходит ли это вслух или в уме считывающего информацию.

В своем исследовании мы придерживаемся следующего определения письменного текста: письменный текст — это единица речи, элемент системы коммуникации, где единицы языка служат средством его реализации, а содержание задается интеллектом (сознанием).

Фонетика, призванная изучать характеристики звучащей речи, воплощена также и в тексте письменном, так как письменный текст является кодированной устной речью, ее плотью и кровью. Безусловно, что фонетическая наука, появившаяся по факту существования звучащей речи, с письменным текстом связана опосредованно. Чисто физические его параметры меняются от пользователя к пользователю при декодировании письменной информации в устную в зависимости от ситуативных условий его репродуцирования. Неизменной остается базовая ритмическая структура текста.

Любой получатель письменного текста будет дешифровать его с определенным ритмом. Чем же задается нужный ритм данного конкретного текста? Предположительно пунктуационными знаками. Пунктуация как цемент при строительстве собирает воедино все информационное поле письменного текста (равно, как воедино собирается устный текст его интонационным звучанием). Естественно связать значение пунктуации для письменной речи со значением ритмомелодии и пауз для устной речи. Не вызывает сомнения, что знаки препинания наряду с буквами являются частью графической системы каждого языка. Само возникновение пунктуации связано с тем, что интонация — единственное средство выражения синтаксических отношений, не фиксируемое ни орфографией слов, ни их расположением в тексте. Предположим, что и в основе пунктуации находится прежде всего тот уровень синтаксической структуры, который оформляется интонационными средствами. Таким уровнем является в языках европейского региона актуальное членение, а затем и уровень членов предложения, поскольку они в определенной мере соотношены с актуальным членением. Использование пунктуационных знаков обуславливается как синтаксическим строем языка, так и смысловым членением высказывания и ритмико-интонационной системой речи. Провести четкую границу между функциями знаков препинания (ведь ритм и интонация несомненно действуют наряду с семантико-синтаксическими средствами членения текста) вряд ли представляется возможным.

Знаки препинания как составляющие пунктуационной системы того или иного языка имеют долгую историю. Для нашего исследования представляет интерес несколько аспектов, способных пролить свет на путь развития пунктуации в языках европейского региона: во-первых, наличие сходных и различных знаков препинания в древнерусском, древнебелорусском, древнеанглийском и древнефранцузском языках; во-вторых, их значения и, в-третьих, сопоставление этих значений.

Начало использования пунктуации в письменных текстах Древней Руси датируется X—XI вв. К XV в. пунктуационные знаки уверенно приобретают устойчивое значение. Остромирово евангелие, один из немногих сохранившихся древнейших памятников письменности, содержало такие пунктуационные знаки, как точку, крест и змейцу (вертикальную волнистую черту). По рисунку эти знаки напоминают крыж и змейцу в древних нотах, к ним же относятся рог и скамийца. Характерной чертой подавляющей массы русских памятников XI—XIV вв. явля-

ется отсутствие противопоставленности внутрифразовой и межфразовой пунктуации. Под вторым южнославянским влиянием графический арсенал русской пунктуации значительно обогатился. Начинают применяться запятая, точка с запятой, двоеточие. Начали также различать точки разного вида: срока — точка в середине строки и собственно точка, которая ставится внизу, причем точки могли быть разного размера и цвета. Однако функционально точка и запятая часто не противопоставлены. XVI — XVII вв. ознаменовались разграничением внутрифразовой и межфразовой пунктуации. Тогда же предпринимается попытка кодификации пунктуационных норм. Так, Лаврентий Зизания делает упор на смысловые признаки, Мелетий Смотрицкий же опирается в основном на интонацию. По сути «Грамматика» Мелетия Смотрицкого («Словенские грамматика правильного синтагма») была своего рода вершиной коммуниктивно-синтаксической пунктуации. Обогащение графического арсенала дало возможность осуществить этот подход более дифференцированно, обозначая не только отличие межфразовой границы от внутрифразового членения, но и иерархию разных ступеней последнего. В теоретических рассуждениях грамматиста «младшей» в иерархии знаков препинания, употребляемых внутри предложения, объявляется черта, затем следует запятая, а после нее двоеточие.

Необходимо признать, что памятники русской письменности имели интонационный или более интонационный, чем теперь, характер пунктуации. Конечно, «интонационность», «опора на ритм» — это не совсем то, что объективно подмечено исследователями: совершенно ясно, что они не слышали интонации XV—XVI вв., а реконструировали ее по смысловым отношениям, находящим отражение в форме слов, их расположении в тексте, наконец, в пунктуации. Не сама по себе пунктуация, а тот уровень смысловых (конкретнее, синтаксических) отношений, который выражается интонационными средствами, отражен то с большей, то с меньшей расчлененностью в старинной системе постановки знаков препинания. Однако подобное утверждение, к сожалению, не поддается проверке — никто не слышал интонационного оформления текста XV—XVII вв., поэтому оно может быть лишь реконструировано по смысловым отношениям, вытекающим из формы слов, их расположением в тексте. В течение XVI—XVII вв. процесс пополнения состава пунктуационных знаков в русской письменности продолжается: входят в употребление знаки вопросительный (вопросная подстольная) и восклицательный (удивная, прибыльца), ка-

вычки и скобки, тире, многоточие (под названием «знака пресекающего»). Самое важное заключается однако в том, что и старые знаки в связи с переходом пунктуационной системы на новую принципиальную базу меняют свои функции, переосмысливаются, т.е. становятся по существу новыми знаками, которые лишь внешне, по рисунку совпадают с прежними. Современный период истории русской пунктуации, характеризующийся конструктивно-синтаксическим принципом, следует отсчитывать от начала XIX в. [5, с. 178—180].

История белорусской письменности начинается с середины XIII в., когда в западных русских землях появляются первые письменные памятники с отдельными чертами белорусского языка (например, Договорная грамота смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Голандом от 1229 г.) Это было связано с началом формирования трех восточнославянских народностей — русской, белорусской, украинской — и становлением присущих каждой народности языков.

Нормы старобелорусского языка вырабатывались в этот период на основе общерусских языковых традиций и важнейших особенностей живых говоров белорусского народа. Немаловажную роль в сближении книжно-письменного языка с живыми народными говорами сыграли виднейший белорусский просветитель начала XVI в. первопечатник Ф. Скорина, а также В. Тяпинский, С. Будный, М. Смотрицкий, переводившие религиозные произведения на белорусский язык, пунктуация которых полностью соответствовала пунктуации памятников древнерусской письменности того периода [6, с. 5].

Французский писец в античные времена не употреблял знаков препинания, долгое время слова писались слитно (так наз. *Scriptio continua*). Пунктуация зарождается в IV—V вв., когда начинают использовать пробел — тексты оформляют так, что каждый крупный период начинается с красной строки и с большой буквы. Периоды отделяются значительным (до 15 мм) расстоянием и следующей затем большой буквой. Большинство латинских памятников снабжено знаками позже. Точка наверху строки называется *distinctio maxima* и означает долгую остановку и соответствует нашей точке. Внизу строки ставили знак короткой паузы, так называемую *subdistinctio*, равносильной нашей запятой. Точка посередине строки — *distictio media* — эквивалентна нашей точке с запятой. Уже в некоторых рукописях V—VI вв. встречаются кавычки в виде изогнутого S или W. У Григория Турского роль точки играет знак (;), он же стоит перед началом чужой речи и выполняет роль современного дво-

еточия. Нужно сказать, что единых пунктуационных правил не существовало, да и не могло существовать. Так, в каролингскую эпоху наряду с одной системой можно встретить и другую с комбинацией знаков (.) и (,). Первые книги вышли во Франции в типографии Сорбонны в 1470 г., причем пунктуация располагала двумя символами: точкой и запятой. Однако вскоре появляется точка с запятой и двоеточие, затем начинают использовать апостроф (1533 г.), дефис (1540 г.), *accent aigue* (1540 г.). В 1550 г. выходит в свет первый трактат о типографском искусстве, в котором предпринимаются первые шаги по пути унифицирования знаков препинания с точки зрения внешней формы и их применения в тексте. Однако окончательная стабилизация французской пунктуации, как и орфографии, происходит только в XIX в.

Для пунктуации французского языка актуальна ориентация формы знака по отношению к сегменту. Она может быть ориентирована в разных направлениях по отношению к сегменту влево (вопросительный знак, запятая, точка с запятой), внутрь (кавычки, скобки), есть знаки ненаправленные (точка, вопросительный и восклицательный знаки, двоеточие, точка с запятой) или двусторонние — с обеих его сторон (кавычки, скобки); некоторые знаки встречаются в обеих позициях (тире, многоточие, запятая). У знаков французской пунктуации определяют три основные функции: это разъединение и объединение сегментов, а также вычленение их из текста. Функции знаков связаны с формой и позицией знака: так, знаки односторонние и ориентированные влево, являются разделительными (например, запятая); двусторонние и неориентированные выполняют вычленительную функцию (например, скобки); знаки одно- и двусторонние функционируют как разъединительно-объединительные (двоеточие). Зависимость между формой, позицией, характером сегмента и функцией знаков пунктуации выражена следующей классификацией: а) точка, вопросительный знак и восклицательный знак являются односторонними разъединяющими знаками, выражающими модальность; б) точка с запятой, двоеточие, запятая — суть односторонние знаки, как объединяющие, так и разъединяющие; в) многоточие, тире, кавычки, скобки — одно- и двусторонние знаки, разъединяющие и вычленяющие [7].

В памятниках письменности античных времен и периода раннего средневековья Британии единственным знаком препинания являлась точка для отделения предложений и слов одного от другого. Введение в употребление новых знаков пунктуа-

ции происходило в течение довольно долгого времени — с V в. по XV—XVI вв. н.э. Писцы при королевском дворце Ст. Джером и Алквин, ответственные за грамматическое и пунктуационное оформление Библии и литургических манускриптов, и два венецианских печатника, дед и внук, оба по имени Алдус Манутиус, разработали систему использования знаков препинания, таких как двоеточие, запятая, точка с запятой. Джорж Путтенхем в «*Arte of English Poesie*» в 1589 г. писал об употреблении пунктуационных знаков в качестве метрической маркировки текста. Однако такой декламаторский подход к пунктуации был заменен в XVII в. синтаксическим, представленным грамматистом Бэном Джонсоном в 1640 г. в книге «*English Grammar*». Вплоть до XVII в. пунктуационная разметка книг была достаточно беспорядочной и мало соотносилась с синтаксисом.

Большинство из основных пунктуационных знаков Англии относятся к XV—XVI вв. и имеют греческое происхождение. Почти все они взяты из разметки стихотворных произведений, где ритм играл ведущую роль. До начала XVIII в. пунктуация письменного текста была тесно связана с устным его воплощением и включала даже паузы, для того чтобы перевести дыхание. После XVIII в. наступает период грамматизации пунктуации, когда основополагающим фактором является грамматическая структура предложения. Различают два типа английской пунктуации: насыщенная пунктуация (*heavy punctuation*) и облегченная пунктуация (*light punctuation*). XVIII—XIX вв. характеризовались употреблением насыщенной пунктуации, хотя один и тот же автор мог использовать оба типа [8, р. 824—825].

Итак, пунктуация XIX в. как в России, так и в Англии и Франции представляет собой до конца оформленную и унифицированную систему. Вся история развития пунктуации в рассматриваемых странах начиналась с ритмического оформления фразы и текста: в древнерусских и древнебелорусских текстах применялись нотные знаки того времени, что уже говорит само за себя; в английских — ставились специальные знаки в местах, где надо перевести дыхание, сами же пунктуационные знаки были заимствованы из стихотворных произведений, где они играли роль маркера для декламации; во французских — применялись знаки для обозначения разной по длительности паузации. Первоначально во всех рассматриваемых языках действовали в качестве знаков препинания точки разной длительности и значимости (в зависимости от их расположения в середине строки, внизу и вверху), затем вводится запятая как одна из разновидностей точки для внутрифразового применения.

Таким образом, арсенал пунктуационных знаков в рассматриваемых языках исторически пополнялся довольно-таки параллельно. С течением времени с приобретением все более и более закрепленного за каждым знаком значения появляется четко выраженная синтаксическая зависимость употребления знаков пунктуации.

В самом деле, семантическая выраженность ритмического оформления письменных текстов в языках европейского региона не вызывает сомнения. Она в свою очередь привела к декламаторским традициям устной речи, которые естественным образом перешли на письменную речь этих языков и отражены пунктуационно. Различают периододударные и слогуударные языки. К периододударным языкам относятся английский, современный греческий, русский и белорусский языки. Французский же язык — слогуударный.

В периододударном ритме распределение ударения во времени основывается на ударных слогах, которые обычно располагаются через более-менее равные промежутки времени, т.е. единица ритма (фут) имеет примерно одинаковую длительность по отношению к количеству слогов, из которых она состоит. В результате многосложные футы сжимаются, а моносложные, наоборот, имеют тенденцию к растяжению. Второй особенностью таких языков является редукция безударных слогов. Это относится как к безударным слогам, так и к словам не под ударением.

В слогуударном ритме распределение ударения во времени основывается на слоге. Это, конечно же, не означает, что все слоги равны по длительности: они изменяются в соответствии с гласными и согласными из которых состоят. В данном случае не происходит явления сжатия и растяжения слогов, равно как и явления редукции слогов в слабоударной или безударной позиции [8, с. 867].

Ритмические особенности такого рода чрезвычайно важны для адекватного декодирования письменного текста в устную юрму. Экспериментально доказано, что неверно заданный итм при прочтении письменного текста неизбежно приводит к его семантическому искажению.

Л и т е р а т у р а

1. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1976.
2. Каструбин Э.М. Трансовые состояния и «поле смысла». М., 1995.
3. Джын Эйчысан. Гаваркя істоты. Мн., 1995.
4. Павленко Н.А. История письма. Мн., 1987.

5. *Осипов Б.И.* История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992.

6. *Добиаш-Рождественская О.А.* История письма в средние века. М.—Л., 1936.

7. *Волков А.А.* Письмо и звучащая речь // *Вопр. языкознания.* 1983. № 1.

8. *Tom McArthur.* The Oxford Companion to the English Language. Oxford, New-York, 1992.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ЗА И ПРОТИВ

В.Т. Мокейчик,
доцент

Образование через всю жизнь — возможность доступа потребителя к образованию в любое время и получения его в объемах, определяемых потребителем — мировая тенденция, зафиксированная ЮНЕСКО в качестве доминирующего вектора развития образования в XXI в. Дистанционное обучение (ДО), базирующееся на широком использовании электронных информационных ресурсов, телекоммуникаций и компьютерной техники, ориентировано на получение образования через всю жизнь.

Характерной особенностью настоящего периода в мировом образовании является переход от классических технологий к технологиям, в полной мере использующим возможности и преимущество Интернет. Осуществляется переход от «бумажно-почтовых» форм и технологий обучения к «электронно-сетевым», наблюдается смешение этих форм и технологий их применения. Это смешение вызвано в первую очередь тем, что процесс переноса учебной информации с печатных форм на электронные носители, да и сама разработка электронных учебных материалов требуют времени и больших интеллектуальных затрат.

Под дистанционным обучением традиционно понимается комплекс образовательных услуг, предоставляемых с помощью специализированной информационно-образовательной среды, создаваемой для потребителя на любом расстоянии от образовательного учреждения.

Дистанционное обучение с информационной, технологической и исторической точек зрения — относительно новое явление. В этой области ведутся интенсивные исследования, в широком смысле речь идет о внедрении образовательных